

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИМПЕРАТОРА, ЕГО СЕМЬИ И ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В УЛОЖЕНИИ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1845 г.

THE CHARACTERISTICS OF LAW
REGULATION OF STATE CRIMES AGAINST
THE EMPEROR, HIS FAMILY AND THE SUPREME
AUTHORITY IN THE PENAL CODE ON CRIMINAL
AND CORRECTIONAL PENALTIES OF 1845

A. Vorobyov

Annotation

The article considers the problem of legal regulation of state crimes against the supreme power in section III of the Penal Code on criminal and correctional penalties of 1845. This law has a special significance due to the fact that it had been taken in the period of formation of the main branches of law and remain valid until the beginning of the XX century. Violations of the supreme authority and its representatives are among the most dangerous for state, law and society state crimes. Historical and legal analysis of the pre-existing legal regulation of this institute can achieve an integrated understanding of the relevant issues. In the line-item analysis there was conducted, revealed and discussed the main characteristics of the legal regulation of this legal institution.

Keywords: state crimes, institution, authority, emperor, criminal code, wine, characteristics itemized analysis, history, law.

Воробьев Алексей Сергеевич
Аспирант, ФГБОУ ВО "Московский
государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина, МГЮА"

Аннотация

В статье рассматривается проблема правового регулирования государственных преступлений против верховной власти в разделе III Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Данный законодательный акт обладает особой значимостью вследствие того, что был принят в период формирования основных отраслей права и сохранял юридическую силу вплоть до начала XX века. Посягательства на верховную власть и её представителей являются одними из наиболее опасных для государства, права и общества государственных преступлений. Историко-правовой анализ существовавшего ранее правового регулирования данного института позволяет достичь комплексного понимания соответствующей проблематики. В ходе проведенного постатейного анализа выявлены и рассмотрены основные отличительные черты правового регулирования данного правового института.

Ключевые слова:

Государственные преступления, институт, власть, император, Уголовное уложение, особенности, постатейный анализ, история, право.

Посягательства на верховную власть и её представителей являются одними из наиболее опасных для государства, права и общества государственных преступлений. Проблематика института данной категории противоправных деяний и их правового регулирования традиционно обладает значимостью не только в сфере уголовного права, но и истории государства и права. Историко-правовой анализ существовавшего ранее правового регулирования того или иного института позволяет достичь комплексного понимания соответствующей проблематики.

Внимания заслуживает такой памятник российского права, как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение 1845 г.), ставшее результатом одного из этапов кодификации, проведение которой для всего российского права планировалось ещё в XVIII в. Свод законов Российской Империи 1832 г. (да-

лее – Свод) был выработан в ходе систематизации права. Следующий кодификационный этап (в том виде, как его предлагал идеолог и организатор систематизации и кодификации М. М. Сперанский) не был в полной мере одобрен императором Николаем II [1, с. 232] и по этой причине в период его правления коснулся лишь уголовного права, так как проблемы данной отрасли права стояли наиболее остро [9, с. 98, 104]. Над Уголовным уложением и трудился М. М. Сперанский, и подготовка данного законодательного акта была закончена уже после его смерти. Период данных масштабных работ значим для науки, поскольку именно тогда были сформированы основные отрасли отечественного права: государственное, гражданское, административное, уголовное, процессуальное [2, с. 397].

Изучение Уложения 1845 г. играет важную роль в исследовании института государственных преступлений,

поскольку данный законодательный акт действовал вплоть до начала XX в.: в 1903 г. было принято новое Уголовное уложение, которое впоследствии частично вступило в силу. Однако предложения переработать или заменить Уложение 1845 г. новым законом активно высказывались ещё с 60-х годов XIX в. [11, с. 242–243]

В те времена власти уделяли особое внимание государственным преступлениям: соответствующие преступники содержались в политических тюрьмах, отдельно от остальных преступников, содержащихся в общеуголовных тюрьмах [4, с. 75]. Государственным преступлениям был посвящён раздел третий "О преступлениях государственных", который был основан на нормах раздела третьего т. XV. кн. 1 Свода "О преступлениях государственных", которые представляли собой систематизацию ранее существовавшего законодательства, что обеспечивало преемственность правового регулирования.

В указанном разделе Уложения 1845 г. содержались две главы: глава первая "О преступлениях против священной особы государя императора и членов императорского дома" и глава вторая "О бунте против власти верховной и о государственной измене", содержащая отделение первое "О бунте против власти верховной" и отделение второе "О государственной измене и преступлениях против народного права". Таким образом, в данном разделе составы преступлений, направленных непосредственно против верховной власти и её представителей, были изложены в главе первой и отделении первом главы второй (12 статей: ст. 263–274). Их анализ позволит сформировать видение правового регулирования наказуемости таких посягательств на власть в динамике и раскрыть его особенности.

В качестве одной из основных особенностей можно считать преемственность по отношению к уголовно-правовому регулированию предшествовавших нормативно-правовых актов (Соборное уложение 1649 г., Артикул воинский 1715 г., Свод законов Российской Империи 1832 г.) при наличии ряда новшеств и сохранении некоторых недоработок правового регулирования.

Так, ст. 263 устанавливает ответственность за преступные действия, умыслы против личности императора и его статуса как главы государства и свободного человека. Такое преступление наказывается лишением всех прав состояния и смертной казнью.

Эта статья по своей формулировке соотносится с артикулом 19 Артикула воинского 1715 г., но содержит и новые весьма существенные дополнения, например, наказание за деяния, направленные на лишение власти верховной или её ограничение [10, с. 350].

Также ст. 271 устанавливает наказуемость умысла и намерения совершить преступное деяние как таковых, что отличает эту правовую норму Уложения 1845 г. от аналогичной нормы Свода. Наличие подобных отличий отражает развитие юридической техники, а также изменения в политике. Указанная статья была отредактирована с учётом событий в России в декабре 1825 г., а также

принятого в июле 1826 г. Именного указа "О государственных преступниках, осуждённых к разным казням и наказаниям". При этом отмечается, что статья 271 чрезвычайно схожа со статьями 19 и 20 главы II Соборного уложения, а также артикулами 19 и 137 Артикула воинского 1715 г. Имеется и сходство со ст. 223 тома XV Свода: под бунтом против власти в Уложении 1845 г. понимается восстание скопом (выступление группы лиц), подготовленное тайно, заговорщически и сопряжённое с насильственными действиями [10, с. 350–351].

Такие сходства и различия говорят о развитии, изменении правового регулирования при сохранении преемственности по отношению к нормам предшествующего законодательства. Так, профессор В. Н. Синюков, рассуждая о механизме юридических изменений, отмечает, что проблема нового теснейшим образом связана с проблемой охраны существующего, распоряжения его потенциалом, поддержания его в адекватном культурной динамике общества состоянии [8, с. 554]. Изменения происходили как вследствие развития юридической техники, так и по политическим причинам. Политика оказывает на право серьёзное воздействие, и правовые изменения выражают собой также и волю государства [7, с. 725–729].

Данную преемственность с предшествующим законодательством можно считать одним из основных признаков Уложения 1845 г., что исходит из природы кодификации, рассуждая о которой, французский юрист Кабрияк Реми писал, что даже кодексы, отражающие осознанное стремление якобы порвать с прошлым, на самом деле питаются им, развивая заложенные прошлым традиции [5, с. 146].

Следующей отличительной чертой можно считать применение в некоторых статьях отсылочного принципа установления наказаний, а также разделение в некоторых случаях на отдельные статьи правового регулирования ответственности за одно и то же деяние, но совершаемое разными соучастниками и по отношению к различным лицам – с применением отсылочных механизмов.

Так, ст. 264 не предусматривает самостоятельного состава преступления, а, скорее, развивает положения ст. 263 (посягательства на императора), устанавливая, что действительным преступлением являются не только законченные деяния, перечисленные в ст. 263, но и все более ранние стадии их совершения.

В ст. 265 также конкретизируется правовое регулирование ответственности за деяния, указанные в ст. 263. Устанавливается, что все соучастники совершения этих преступных деяний (сообщники, пособники, подговорщики, подстрекатели, попустители, укрыватели виновных и те, кто, зная и имея возможность донести об этом, не исполнили такой обязанности) приговариваются к тому же наказанию, которое установлено в ст. 263 – лишению всех прав состояния и смертной казни. Ст. 266 предусматривает ответственность за совершение деяний, предусмотренных в ст. 263, против наследника престола,

супруги императора, прочих членов императорского дома. Лица, виновные в этих деяниях (все соучастники и недоносители) по данной статье приговариваются также к наказанию, предусмотренному в ст. 263.

Можно сделать вывод, что ст. 263–266 устанавливают общее наказание (лишение всех прав состояния и смертная казнь) за схожие деяния, но их разница заключается в том, что эти деяния направлены на разных лиц, а также совершаются в различной степени разными соучастниками. Наказание предусмотрено в ст. 263, а ст. 264, ст. 265 и ст. 266 содержат отсылку к ст. 263, что говорит об отсылочном характере указанных норм.

Отсылочные механизмы применяются в других статьях. Так, ст. 270 совмещает в себе преступные составы, аналогичные предусмотренным в ст. 267, 268, 269 – но предполагающие совершение преступных деяний по отношению к членам семьи императора (ст. 267, 268, 269 регулируют ответственность за преступления, оскорбляющие самого императора). Данная правовая норма является отсылочной. Ст. 270 в части установления наказания за эти преступления отсылает к ст. 267 (за составление и распространение оскорбительных сочинений и изображений) и к ст. 268 (за произнесение оскорбительных слов и оскорбление изображений указанных лиц).

Другой важной особенностью является установление законодателем для свидетелей преступления обязанности осуществить донос, а в ряде случаев и воспрепятствовать преступлению.

Недоносительство в то время квалифицировалось как преступление. Из текста ст. 265 следует, что донос на преступление являлся обязанностью каждого, кто знал о преступлении и имел возможность о нём донести. Данная особенность была характерна для уголовно-правового регулирования того времени. По ст. 266 недоносители также привлекались к ответственности на общих основаниях.

Ст. 269 также предусматривает наказание за соответствующее бездействие свидетелей. Но если в ст. 265 и ст. 266 устанавливалось наказание лишь за недоносительство по отношению к соответствующим деяниям, то ст. 269 налагает на свидетелей указанных в ст. 268 деяний (произнесение оскорблений против императора, а также умышленное повреждение выставленных в присутственном или публичном месте изображений императора) обязанность воспрепятствовать им, а также донести о них ближайшему местному начальству. Лица, не исполнившие данной обязанности, приговариваются к аресту на срок от 3 недель до 3 месяцев.

В ст. 270 устанавливается наказание для свидетелей "таких дерзких поступков или слов" (оскорбительных действий против членов императорской семьи), не препятствовавших им и не донесших о них властям.

Ст. 271 предусматривает наказание в виде лишения всех прав состояния и смертной казни для всех видов соучастников за восстание против государя, заговор, умы-

сел "ниспровергнуть правительство во всём государстве или в некоторой его части", изменить образ правления и порядок передачи престола по наследству.

В части второй данной статьи предусматривается такое же наказание для тех, кто, зная о таком злоумышлении и приготовлении к приведению его в действие и имея возможность довести об этом до сведения правительства, не исполнил данной обязанности.

Таким образом, лиц, которые не имели прямого отношения к заговору, но знали о нём и были способны донести правительству, угроза смертной казни должна была простимулировать к информированию властей.

Существенной чертой правового регулирования является сословный характер системы наказаний, выражавшийся в применении телесных наказаний к лицам, от них не изъятых.

Ст. 267 устанавливает ответственность за составление и распространение письменных или печатных сочинений или изображений с целью возбудить неуважение к верховной власти или же к личным качествам государя, или к управлению его государством. Лица, совершившие данное деяние (включая всех соучастников), считаются оскорбителями величества и приговариваются к лишению всех прав состояния и к ссылке на каторжную работу в крепостях на срок от 10 до 20 лет. Не изъятые от телесных наказаний лица также подлежат наказанию плетью с наложением клейма.

Тем самым сохранялся сословный подход к определению наказания в соответствии с установленными привилегиями [3, с. 168]. Телесное наказание предусматривалось для лиц, не изъятых от данного рода наказаний. Изъятые же лица (привилегированные сословия) такому наказанию не подвергались.

Аналогичные положения о телесных наказаниях для не изъятых от них лиц предусматривались также в статьях 268, 270 (с использованием отсылки к нормам других статей), 272, 273, 274.

Важным признаком являлось применение смертной казни в отношении государственных преступников.

Отношение к смертной казни в России со времён Екатерины II было весьма осторожным. В адресованном уложенной комиссии "Наказе" императрица высказалась о неуместности применения смертной казни в "нормальном состоянии" человеческого, гражданского общества при "спокойном царствовании законов". И только в случае возмущения народного спокойствия, когда "самые беспорядки заступают место законов", может возникнуть необходимость в отнятии жизни у человека [6, с. 294]. Таким образом, смертная казнь предусматривалась только за наиболее опасные преступления, коими и являлись многие из рассматриваемых преступных деяний. Смертная казнь предусматривалась в качестве наказания в статьях 263, 264, 265, 266 и 271 – за прямые посягательства на императора, членов его семьи и на верховную власть.

В качестве ещё одной черты можно выделить установление законодателем для некоторых преступных составов определённых смягчающих обстоятельств. Так, в ст. 268 предусмотрено: если виновный произнесёт оскорбления в адрес императора или повредит его изображения в состоянии опьянения и без преднамеренного на то умысла, то он приговаривается к заключению в смирительном доме на срок от 6 месяцев до 1 года. Таким образом, два этих обстоятельства были юридически значимыми для применения в преступнике более мягкого наказания.

Другой особенностью правового регулирования государственных преступлений против императора и верховной власти в Уложении 1845 г. является сохранение некоторых проявлений установления наказания за голый умысел.

Предполагается, что в ст. 264 ответственность предусматривается за так называемый голый умысел, что было характерно для предшествовавшего Уложению 1845 г. законодательства и осталось в самом Уложении, хотя и в более замаскированной форме [10, с. 350].

Ст. 271 устанавливает наказуемость умысла и намерения совершить преступное деяние как таковых. Ст. 272 также регулирует указанный преступный состав, но в незавершённом виде, когда "злоумышление", предусмотренное в ст. 271, было раскрыто правительством заблаговременно и потому не повлекло "ни покушений вследствие сего умысла, ни смячений и никаких иных вредных последствий". Виновные в таком случае приговариваются к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в рудниках на срок от 12 до 15 лет или в крепостях на срок от 10 до 12 лет. Для лиц, не изъятых от телесных наказаний, предусматривается наказание плетьюми с наложением клейм. Таким образом, сам по себе

умысел совершить данные деяния, который наказуем по ст. 271, будет караться смертной казнью лишь в случае наличия последствий. В случае же их отсутствия к виновным будет применяться ст. 272.

В качестве одной из базовых черт правового регулирования можно также выделить сходство формулировок составов преступлений против императора и членов его семьи и формулировок составов преступлений против верховной власти.

Сходство можно увидеть между ст. 263, 264, 265 и 266 с одной стороны (прямые посягательства на императора и членов его семьи) – и ст. 271 с другой стороны (бунт против верховной власти).

Ст. 273 предусматривает ответственность за деяния, сходные с предусмотренными в ст. 267 и отчасти ст. 270 – составление и распространение письменных или печатных объявлений, воззваний или сочинений, или изображений с целью "возбудить к бунту или явному неповиновению власти верховной".

Ст. 274 обладает структурой, аналогичной ст. 267 и ст. 273. Речь идёт о составлении и распространении письменных или печатных сочинений, а также произнесении публично речей, которые прямо не призывают к восстанию, но являются критическими по отношению к власти, оспаривают или подвергают сомнению неприкосновенность её прав, порицая существующий образ правления, порядок наследия престола.

Таким образом, статьи отделения первого главы второй раздела III Уложения 1845 г. определяют ответственность в целом за деяния, формулировка составов которых схожа с формулировкой составов преступлений, направленных против императора и его семьи. Различие заключается в объекте преступного посягательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богословский М. М., Кизеветтер А. А., Покровский М. Н., и соавт. История России в XIX веке. Дореформенная Россия. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. – 589 с.
2. Исаев И. А. История государства и права России: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. – 797 с.
3. Исаев И. А. История России: Правовые традиции. М.: ЮКИС, 1995. – 320 с.
4. Исаев И. А. История России: Традиция государственности. М.: ЮКИС, 1995. – 272 с.
5. Кабрияк Р. Кодификации: пер. с франц. Головки Л.В. М.: Статут, 2007. – 476 с.
6. Омельченко О.А. "Законная монархия" Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М.: "Юристъ", 1993. – 428 с.
7. Радько Т. Н. Теория государства и права: учеб. – 2-е изд. М.: Проспект, 2010. – 752 с.
8. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. – 2-е изд., доп. М.: Норма, 2014. – 672 с.
9. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1994. – 380 с.
10. Чистяков О. И. Российское законодательство X–XX веков: Тексты и коммент. в 9-ти т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М.: Юридическая литература, 1988. – 431 с.
11. Чистяков О. И. Российское законодательство X–XX веков: Тексты и коммент. в 9-ти т. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М.: Юридическая литература, 1994. – 352 с.